

Стригунов Юрий Владимирович

старший преподаватель отделения
«Информационные технологии»
Московского государственного университета
технологий и управления
(филиал в г. Ростов-на-Дону)
dom-hors@mail.ru

ВАЖНЕЙШИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖГЕНЕРАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация:

В данной статье рассматриваются основные факторы, определившие характер межгенерационных отношений в современном российском обществе.

Ключевые слова:

межгенерационные отношения, ценности либерально-рационалистической культуры, Россия.

Strigunov Yuri Vladimirovich

Senior Lecturer Department
"Information Technology"
Moscow State University
Technology and Management
(branch in Rostov-on-Don)
dom-hors@mail.ru

THE MOST IMPORTANT FACTOR FORMATION INTERGENERATIONAL RELATIONS IN MODERN RUSSIA

Summary:

This article examines the main factors that determined the nature of intergenerational relations in Russian society.

Keywords:

intergenerational relationships, values of liberal-rationalist culture, Russia.

Множество факторов, определивших характер межгенерационных отношений в современном российском обществе, можно объединить в несколько групп.

Первая группа – это долговременные факторы, исторически сформировавшие аксиологическую неоднородность российского общества, приведшие к длительному закреплению модели «противостояния отцов и детей» в ментальности россиян.

Особенности российской культуры обусловлены не историческим переходом от одной цивилизации к другой, а специфическим характером этого перехода, который при наличии существования перманентного социокультурного раскола можно рассматривать как основу особого цивилизационного типа, характерная черта которого заключается в том, что он является продуктом приспособления к этому расколу. Противопоставляя и сталкивая между собой поколения, присущий российскому обществу социокультурный раскол захватывает каждую личность, формируя двойственность мышления, неуверенность в правильности принимаемых решений и в адекватном восприятии их результатов. А. Андреев указывает, что вне зависимости от конкретных случаев существует необходимость соотнесения места и роли изучаемого аспекта специфики и с расколом, и с возможностями его преодоления [1, с. 13–15].

Формирование и усиление российской государственности находилось в прямой зависимости от православной церкви, которая в ходе исторического развития страны приняла черты государственной идеологии. В отличие от Западной Европы, где церковь существовала как независимое от государственной власти образование, в России деятельность церкви была прямо подчинена интересам государства. Проблемы человека и общества рассматривались государством и церковью только исходя из собственной выгоды. Относилось это, разумеется, и к отношениям между поколениями.

Однако подлинная христианизация России, которая бы затронула глубинные основы национальной культуры, так и не произошла. На смену официальному православию после революционных потрясений начала XX века пришла официальная секуляризация. Ее успех свидетельствовал, в том числе, и о том, что христианизация русского народа была поверхностной. Значительная часть россиян без особых внутренних колебаний сразу же отказалась от православия, многие превратились в «воинствующих атеистов» и участвовали в массовых разрушениях церквей, издевательствах над священниками, глумлении над верующими, характерными для 1920-х годов.

Социально-исторический опыт западной цивилизации свидетельствует о том, что история человеческого общества, так или иначе, приходит к вытеснению традиционной, основанной на этнопсихологических архетипах, культуры культурой рациональной, модернистской. Эмоциональная доминанта, присущая обществам с догосударственным типом культуры, уступает место доминанте рациональной, характерной для государственных обществ. Но при рассмотре-

нии российского социально-исторического опыта становится ясно, что в нашей стране социокультурная трансформация, характерная для западных обществ, не произошла.

В.Г. Федотова в данной связи подчеркивает, что идеализация западного пути социального развития влечет за собой убежденность в необходимости организации российского общества по европейским и американским стандартам. Эта глубоко ошибочная позиция будет существовать, «пока мы не осознаем, что у России есть свои, отличные от Запада задачи, что некоторые наши особенности никогда не позволят нам превратиться в Запад, как бы сильно кто-то ни желал этого... Западный вектор развития сегодня – это лишь усвоение отдельных нужных нам элементов западной экономики, политики, образования, культуры и т.д... Но Западом мы все равно никогда не станем» [2, с. 34, 35].

Ценности либерально-рационалистической культуры, которые на Западе плотно вошли в массовое сознание, в России укоренились только среди незначительного, относительно общей численности населения страны, слоя людей, которые обладали соответствующими данными для усвоения этой культуры – образованием, образом жизни, материальным достатком, социальным положением. Основу этого слоя составляла отечественная интеллигенция.

Русский народ, по определению далекий от государственности и от идеологий, не испытывал потребности в «советчиках» в лице интеллигенции. Крестьянская община относилась к ней с непониманием и даже ненавистью, как к инородному субъекту, пытающемуся навязать с неизвестными целями свой образ жизни и мышления. Человек из народа, по каналам вертикальной социальной мобильности переходивший в слой интеллигенции, практически сразу становился для народа чужим, поскольку терял с ним близость в главном – в мировоззрении, в восприятии окружающей действительности. Как отмечает А.С. Ахиезер, в сознании российских масс «интеллектуальная логика окружена непониманием и враждебностью. Она, в особенности в гуманитарной сфере, имитирует логику эмоций. Об этом, в частности, свидетельствует преобладание при решении сложных проблем логики инверсии, движущей силой которой является возникновение эмоционального дискомфорта» [3].

Следующей характерной социокультурной чертой российского общества является коллективизм. Его происхождение и существование напрямую связано с догосударственной культурой и общинным типом социальной организации. Для русского крестьянина было характерно восприятие себя в неразрывной связи с общиной, в которой проходила вся его жизнь. С самого рождения человека окружал коллектив – семья, многочисленные родственники, соседи, односельчане. Выработке коллективистского мышления способствовала и совместная для всех членов общины трудовая деятельность – обработка общинного поля, строительство домов, борьба со стихийными бедствиями.

Как отмечает С.К. Бондырева, «развитие человечества – это постепенный отрыв от земли все большего числа людей при непереносимых условиях – сохранении способности села кормить город. Процесс ухода людей в города в нормальных условиях именно этим и лимитируется. В нашей стране естественность этой исторической тенденции была нарушена вследствие того, что задача расширения промышленности (и городов) стала самодовлеющей, решалась ценой разорения села, причем в «кратчайшие сроки» [4, с. 247].

Индустриализация, начавшаяся в конце XIX – начале XX века и набравшая особенно стремительные темпы в 1930-е – 1950-е гг., вызвала массовое переселение крестьянской молодежи из деревень в города. В городе брошенные в гигантский «общий котел» крестьянские дети быстро теряли самоидентификацию с конкретной общиной. Ценности родительского поколения, традиции конкретной общины более не казались им абсолютными. Для городского пролетария уже не имел значения опыт крестьянской жизни в общине, который могли передать ему старшие поколения. Авторитет старших родственников или членов общины мерк по сравнению с необходимыми в новых социальных условиях знаниями. «Увидевший город» молодой крестьянин начинал ставить себя выше своих старших родственников, плохо адаптированных к современным условиям жизни.

В русле рассмотрения межгенерационных отношений мы считаем необходимым отметить в качестве важного фактора урбанизацию российского общества. Начало социокультурному расколу между различными поколениями россиян было положено в городе.

Перейдем теперь к следующей группе факторов, определивших межгенерационные отношения современной России. Это факторы, связанные с посттрансформационной культурной травмой. Теорию социокультурной травмы ввел в научный оборот П. Штомпка, использовавший для обозначения последствий радикальных трансформаций для общества и конкретного индивида аналогию между социальной реакцией на внезапные изменения в обществе и реакцией организма на болезненное воздействие извне, также приводящее к нарушению привычных ритмов функционирования организма.

Штомпка указывает, что в основе социальной травмы лежит ломка укоренившихся в конкретном обществе ценностей и смыслов социальной реальности [5, с. 3–12].

Пореформенное российское общество, безусловно, перенесло тяжелую социокультурную травму, последствия которой не преодолены до конца и в настоящее время. Политические и экономические преобразования российского общества имели за собой не только позитивные последствия в плане демократизации общественной жизни. Можно перечислить целый ряд негативных процессов, сопровождавших трансформацию российского общества.

И.Ф. Дементьева подчеркивает, что в годы реформ в российском обществе изменилось отношение к самой возможности детского труда. Вызванное рыночными реформами ухудшение материального положения большинства российских семей заставило многих родителей не только лояльнее относиться к трудовой занятости своих несовершеннолетних детей, но и самим направлять их на работу [6, с. 103].

Посттрансформационная культурная травма сопровождалась в России также алкоголизацией, наркотизацией и криминализацией населения, еще раз отметим, что эти процессы затронули, в отличие от обнищания, прежде всего молодые поколения россиян.

Ю.А. Агафонов отмечает, что в современной России подвергаются переосмыслению «определенные иерархические системы ценностей, связываемые с определенными отношениями между ценностями и нормами – нормативно-оценочными порядками или системами» [7, с. 172].

Наконец, трансформация российского общества негативно сказалась и на молодежи. На первый взгляд, социальные преобразования открыли перед молодым поколением новые перспективы, которые нельзя было даже представить в советское время. Но в реальности результатами социальной трансформации смогла воспользоваться лишь малая часть молодежи, обладавшая для этого исходными данными – высоким положением родителей, личными качествами, определенными профессиональными навыками.

В результате мы видим следующее положение вещей: те представители старшего и среднего поколений, которые находятся на верхних этажах социальной иерархии, испытывают по отношению к молодежи опасения как к опасному конкуренту, покушающемуся на их положение; внизу социальной лестницы ситуация меняется с точностью до наоборот – старшее и среднее поколение оказываются вытесненными молодежью как более трудоспособной категорией, что не может не пробуждать у поколения «отцов» негативные эмоции.

Следующая группа факторов, детерминирующих межгенерационное противостояние в современном российском обществе, связана с глобализацией. Под глобализацией мы понимаем общемировой процесс формирования единого экономического и культурного пространства. Отметим, что единое экономическое и культурное пространство, тем не менее, дифференцировано. В нем достаточно четко выделяются «мировой центр» – индустриально развитые страны Западной Европы, Северной Америки и Японии, и «мировая периферия» – большинство государств «третьего мира», многие бывшие советские республики. И если центр определяет экономическую и культурную политику, являясь генератором идей и технологий, то периферия обречена следовать в фарватере центра, выступая в роли сырьевого и людского придатка, потребителя производимой центром материальной и духовной продукции [8, с. 38–49].

Экономическая глобализация характеризуется ростом влияния транснациональных корпораций, включением в мировые экономические процессы периферийных регионов за счет переноса на периферию производства из индустриально развитых стран. Немецкий социолог К.Х. Рот подчеркивает, что «эпохальная экспансия торговых потоков способствовала развитию товарных капиталов и “потребительского” типа поведения в самых отдаленных уголках планеты. За этим последовал взлет транснациональных фирм, которые или непосредственно экспортировали капиталы, или участвовали в создании “совместных предприятий” вне зон своего происхождения, и теперь уже развивающиеся страны также подключались к общей модели накопления. Одновременно началась аграрно-капиталистическая трансформация постколониальных территорий. Но, прежде всего, приобрела международное значение финансовая сфера; она открыла новые денежные рынки вне тогдашних монетарных контрольных систем и взвинтила процентные ставки, “освободившись” от падающих уровней прибыли» [9].

Культурная глобализация заключается в создании космополитичной культуры, основанной на стирании границ между национальными культурами. Происходит универсализация культурных предпочтений, вне зависимости от региональных, этнических или конфессиональных особенностей. Но если в экономической глобализации многие исследователи видят позитивные моменты, то глобализация культурная не может не настораживать. Так, В. Межуев отмечает: «То, что является благом для рынка, для культуры – смертельная угроза. Рынок нуждается в единых для всех правилах игры, культура – в их разнообразии. Рынок нивелирует все нацио-

нальные различия и особенности, культура без них не существует» [10, с. 25]. Глобализационные процессы в культуре на деле оборачиваются отнюдь не взаимодействием равноценных культурных традиций, а унификацией культурных пространств под единый стандарт западной, точнее – американизированной, массовой культуры, при этом происходит исчезновение национальных культурных традиций, что неизбежно влечет за собой мировоззренческий кризис.

В.Г. Федотова отмечает, что в современной России проблемы социокультурного характера, связанные с переоценкой ценностей, с поиском национальной идентичности, представляют даже большую важность, чем экономические затруднения, связанные с переходом от административно-командной системы организации хозяйства к свободному рынку [11, с. 172].

Формируется новый тип идентичности, который мы назовем глобальным. Исследователь Ф.И. Азмурзаева отмечает, что процесс глобализации ведет к осознанию индивидом себя как «гражданина мира», но глобальная идентичность индивида находится в противоречивых отношениях с его предыдущей культурной идентичностью, основанной на конкретных социокультурных традициях [12, с. 110].

Восприятие «общечеловеческих» культурных ценностей характерно, в первую очередь, для молодежи, особенно студенческой. Молодое поколение в силу своего возраста обладает большим потенциалом к коммуникации. В современной России одним из важнейших средств приобщения молодежи к космополитической культуре, получения информации, стал Интернет. Общаясь через Интернет, молодежь как бы преодолевает государственные границы и национальные барьеры, находит единомышленников и собеседников в других странах мира. Национальные различия отходят на второй план.

В меняющемся обществе к негативным последствиям ведут обе линии – и ультраконсервативная, основанная на сохранении традиционных ценностей в статичном состоянии, и космополитическая, ведущая к унификации мировой культуры и разрушению национальных традиций. Как справедливо отмечает И. Валлерстайн, «нам нужно знать не о том, что мы – граждане мира, а о том, что мы занимаем особые ниши в неравном мире и что беспристрастность и глобальность, с одной стороны, и отстаивание узких интересов — с другой, — это не противоположные, а сочетающиеся между собой сложным образом позиции. Одни сочетания желательны, другие — нет. Одни желательны здесь, но не там, сейчас, а не тогда. Узнав об этом, мы сможем лучше понять нашу социальную реальность» [13].

В свете нашего исследования представляется, что достижение компромисса между «общечеловеческими» и национальными ценностями, принятие отечественной культурой своего собственного пути развития, без копирования западных моделей, способствует, в том числе, и уменьшению остроты противоречий между различными поколениями россиян.

Ссылки:

1. Андреев А. Современные дискуссии о специфике России // Тезисы докладов XXXII научной конференции студентов. Самара, 2001.
2. Федотова В.Г. Политический класс, население и территория // Свободная мысль — XXI. 2004. № 2.
3. Ахиезер А.С. Проблемы государственной власти России // Рубежи. 1995. № 6; 1996. № 1–5, 7, 9; 1997. № 1–7; 1998. № 1, 2.
4. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества. М.: Воронеж, 2004.
5. Штопка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. 2001. №2.
6. Дементьева И.Ф. Социальное самочувствие семьи // Социологические исследования. 2008. № 9.
7. Агафонов Ю.А. Глобализм и дезинтеграция (нормативно-ценностный аспект) // Глобализация, федерализм и региональное развитие. Тюмень, 2001.
8. Делягин М. 11 сентября 2001 года: завершение формирования пост-советского мира // Глобализация: варианты для России: Материалы круглого стола. СПб., 2001.
9. Рот К.Х. Глобализация. Принципиальные соображения об изменении мировой капиталистической системы. URL: <http://avtonom.org/lib/index.html>.
10. Межуев В.М. Модернизация и глобализация - два проекта / Глобализация и перспективы современной цивилизации // [ред. Делокаров К.Х.]; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. М.: КМК, 2005.
11. Федотова В.Г. Глобализация и российская идентичность // Глобализация и перспективы современной цивилизации. М., 2005.
12. Азмурзаева Ф.И. Специфика социальных трансформаций в современной России (глобализационный и этнокультурный аспекты). Диссерт. на соискание ученой степени доктора философских наук. СПб., 2006.
13. Валлерстайн И. Ни патриотизм, ни космополитизм // Логос. 2006. № 2 (53).

References (transliterated):

1. Andreev A. Sovremennye diskussii o spetsifike Rossii // Tezisy dokladov XXXII nauchnoy konferentsii studentov. Samara, 2001.
2. Fedotova V.G. Politicheskiy klass, naselenie i territoriya // Svobodnaya mysl' — XXI. 2004. № 2.

3. Akhiezer A.S. Problemy gosudarstvennoy vlasti Rossii // Rubezhi. 1995. № 6; 1996. № 1–5, 7, 9; 1997. № 1–7; 1998. № 1, 2.
4. Bondyreva S.K., Kolesov D.V. Traditsii: stabil'nost' i preemstvennost' v zhizni obshchestva. M.: Voronezh, 2004.
5. Shtompka P. Kul'turnaya travma v postkommunisticheskom obshchestve (stat'ya vtoraya) // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2001. №2.
6. Dement'eva I.F. Sotsial'noe samochuvstvie sem'i // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2008. № 9.
7. Agafonov Y.A. Globalizm i dezintegratsiya (normativno-tsennostniy aspekt) // Globalizatsiya, federalizm i regional'noe razvitiye. Tyumen', 2001.
8. Delyagin M. 11 sentyabrya 2001 goda: zavershenie formirovaniya post-sovetskogo mira // Globalizatsiya: varianty dlya Rossii: Materialy kruglogo stola. SPb., 2001.
9. Rot K.K. Globalizatsiya. Printsipial'nie soobrazheniya ob izmenenii mirovoy kapitalisticheskoy sistemy. URL: <http://avtonom.org/lib/index.html>.
10. Mezhev V.M. Modernizatsiya i globalizatsiya - dva proekta / Globalizatsiya i perspektivy sovremennoy tsivilizatsii // [ed. Delokarov K.K.]; Ros. akad. gos. sluzhby pri Prezidente RF. M.: KMK, 2005.
11. Fedotova V.G. Globalizatsiya i rossiyskaya identichnost' // Globalizatsiya i perspektivy sovremennoy tsivilizatsii. M., 2005.
12. Atmurzaeva F.I. Spetsifika sotsial'nykh transformatsiy v sovremennoy Rossii (globalizatsionniy i etnokul'turniy aspekty). Dissert. na soiskanie uchenoy stepeni doktora filosofskikh nauk. SPb., 2006.
13. Vallersteyn I. Ni patriotizm, ni kosmopolitizm // Logos. 2006. № 2 (53).